

ОБЫЧНО это бывает так: после спектакля к нам подходит некто и задумчивым голосом просят заполнить анкету. Любим ли мы этот театр? За что мы его любим? Кому из актеров отдаем предпочтение? И так далее, сколько хватит фантазии.

Потом наши отзывы суммируются, обрабатываются на электронных машинах, а в итоге мы получаем наш коллективный портрет. Безошибочные статистические методы, точно рентгеновские лучи, просвечивают нас сквозь нашу зрительскую душу. Цифры, цифры, таблицы, сопоставления — вот какие мы и вот что мы думаем о театре.

А что думают в театре о нас? Какими представлениями руководствуются? К каким приходят выводам, наблюдая за нами каждый день и каждый вечер с ревнивой пристальностью, благодарно или обижено, стремясь завоевать нашу пожизненную любовь?

Стало аксиомой: театр начинается

ка их отмечает, а в массе публики взгляд прежний. Я даже больше скажу. В тех организациях, с которыми у меня постоянные связи, мне удалось сагитировать несколько человек на спектакль «Верхом на дельфине», когда он только что вышел. Спектакль понравился. Но желания пересмотреть свое отношение к театру я пока не замечаю. Предсудок заглушает даже живое впечатление!

Особенно заметно по приезду. Вот при вас подходил мужчина с блокнотиком. Перечислены сплошь вещи нашумевшие. А ведь есть прекрасные спектакли без широкого резонанса — без острой критики и без громких похвал. Человек этот, сам сказал, в Москве впервые, список составлялся явно с чужих слов, но нет, на другое ни на что не согласен. Среди всех московских, мне кажется, в самом выигрышном положении Театр имени Вахтангова. У него самая стабильная, никогда ему не изменяющая аудитория, состоящая

люди от жизни, и спектакль интересен ему, если интересны те жизненные, реальные проблемы, которыми начато действие. И это его право.

Конечно, следует всячески поощрять и культивировать другой аспект зрительского интереса — любовь к театральному искусству как таковому, умение восхищаться мастерством, исполнительской или режиссерской индивидуальностью. Но эта способность приходит с опытом. Жаль, что сейчас редко идут параллельные постановки одной пьесы в разных театрах. На сборах это сильно не отразилось бы, а многих натолкнуло бы на мысль, что в театре интересно не только «что», но и «как».

Олег Павлович ТАБАКОВ,
артист театра «Современник»

— Моя исходная позиция во взаимоотношениях со зрителем определяется формулой, которая многим, возможно, покажется несколько старомодной: зритель всегда прав. Имею в виду зрителя, который сознательно выбрал наш театр и пришел на спектакль в ожидании определенных впечатлений. Если же его надежды в чем-то обманулись, виноват в этом я. Мне кажется, что такой подход способствует созданию самых честных и искренних контактов.

Правда, мне известно: некоторую часть публики влечет к нам желание своими глазами удостовериться, что в «Голубом королевстве» у нас действительно показывают голого Евстигнея. Но это — единицы, и в общей массе зрителей они растворяются полностью.

Визу и другое. Дважды в месяц перед предварительной продажей билетов у кассы выстраивается длинная очередь. Студенты, молодые рабочие и служащие. Это самый активный наш зритель — и по восприимчивости, и по готовности жертвовать временем и даже сном ради того, чтобы попасть в театр.

Но если заглянуть во время спектакля в зал, картина резко меняется. Этот самый активный зритель оказывается отнюдь не в большинстве.

Когда-то мы очень обижались, слыша, что «Современник» называют молодежным театром. Теперь — то ли сам повзрослел, то ли очень близко к сердцу принял тот факт, что молодежь, по статистике, составляет в стране преобладающую группу населения, — я это название воспринимаю как комплимент. Разумеется, не говорю о том, чтобы ограничить доступ в театр людям среднего и старшего возраста. Но что-то надо изменить, чтобы наш самый главный зритель мог без осложнений попадать в «Современник»: то ли распространять билеты в институтах и на заводах, то ли сосредоточить продажу в основном в кассе театра. Придумать можно.

Есть один характерный симптом, по которому можно судить о переменах в зрительском отношении к театру. Заметно редуют ряды поклонниц — тех самых, с нездоровым интересом. Было время, когда и меня регулярно провожали до дому, караулили в самых неожиданных местах... Поклонницы как явление в театральной жизни вырождаются, и я с удовлетворением вижу в этом знак культурного роста и зрителей, и актеров.

Часто приходится слышать, что нынешняя публика стала холоднее, суше, рационалистичнее. Я не разделяю этой точки зрения. Если же эмоциональная реакция зала оказывается ниже, чем сколько-то лет назад, причиной тому не сдвиги в человеческой природе. Значит, то, что видят люди на сцене, не задает глубоко их чувства.

Актер и зритель оказываются в одинаковом положении. Если играть из вечера в вечер роли одного плана, актерское дарование перерождается: становится односторонним и плоским. Точно так же и у зрителя, которому предлагают думать, сопоставлять, анализировать, но не дают пищи для переживания, восприятие в конце концов может дать сильный крен.

Люди, которых раньше называли чувствительными, больше всех имеют основания обижаться на театр. А людей таких, я убежден, ничуть не стало меньше, хоть представления о трогательном сильно изменились. Когда эмоциональная «температура» действия хоть на градус повышается, зал немедленно отвечает горячей волной сочувствия. Вы думаете, случайно вдруг вспыхнуло увлечение старинными романсами с их простыми, но сильными и яркими чувствами?

Нести мысль через переживание всегда было основным законом театрального искусства, и я не вижу никаких предостыков для его отмены. Если же и попадет когда-нибудь на спектакль любитель абстрактно, с недвижным сердцем ассоциировать, он лопнет даже в крошечном зале нашего театра.

Я мечтал бы поставить «Бедную Лизу», «Кандиду», «Новую Элоизу», «Маяко Леско» с той же простотой, ясностью и напряженностью чувств, с которыми они написаны. И зрители, я уверен, вдруг обнаружили бы в своей душе непотухшие запасы чувствительности, о которых теперь они, возможно, даже не подозревают...

На этом закончим. Верным ли получился портрет театрального зрителя? Точно ли схвачены в изображении основные черты? Узнаем ли мы в нем себя? Слово теперь за нами...

Беседы от имени зрителей вела
Д. АКВИС.

ЧТО О НАС ДУМАЮТ В ТЕАТРЕ?

ТРИ СУЖДЕНИЯ
О ЗРИТЕЛЕ-1969

вешалки. Но это — с позиций самого театра. Нам же, прежде чем протянем пальто гардеробщику, предстоит еще много хлопот. Мы должны — тут и происходит посвящение в зрители — решить, хотим ли мы вообще что-то смотреть. Потом выбрать, что именно. Потом купить, (раздобыть, вымолить, выстоять — смотря по обстоятельствам) билет. И уж потом только: «Бинокль не желаете?»

Вот и наметился маршрут. Так и пойдем — по порядку. И обратимся к первому человеку, который встретится на нашем пути.

Роза Григорьевна ЯКОБСОН,
кассир МОТЭК

— Вы посидите со мной в будочке, посмотрите сами. Сначала будет казаться, что каждый не похож на остальных. А когда работаешь много лет, глаз различает безошибочно, что есть определенные категории.

Самые мои любимые — те, кто любит театр вообще. Есть возможность — пойдут на любой спектакль и даже в самом плохом сумеют воспринять для себя какую-то ценность. Вкус у них очень определенный, устойчивый, и огромный запас впечатлений его подпират, но ходят всюду, и все им интересно. Нет предвзятости — за это их ценю. Много ли их? Не сказала бы...

А есть другая всеядность — не оттого, что все интересно, а оттого, что все безразлично. Ни любимым театров, ни любимых авторов. Видели, подходила ко мне женщина в летах, слышала, сколько я ей предлагала? Ничем не прельстишь. То места плохие, то театр далеко, то спектакль «Вечерка» разругала...

Еще категория — любители премьер. Им нравится атмосфера праздника, хочется поскорее составить свое мнение. Может, в этом есть и свое самолюбие: вы еще не видели, а я посмотрел и советую, идти вам или не стоит.

Ходят ко мне люди одной привязанности — единственной, но зато безграничной. Я бы вас с одной из них познакомила. Сколько раз только у меня покупала билеты на спектакли Майи Плисецкой, подсчитать не возьмусь. А на другой день вдруг приходит вся расстроенная — наверное, говорит, Майю Михайловну вчера кто-то огорчил, явно была не в духе. И тут же начинает мечтать, как пойдет на следующий спектакль.

Для меня это загадка. Человек чуткий, искусство чувствует глубоко. Почему же взгляд прикрывается к одной точке, а к остальному — полное равнодушие? Возможно, сказывается возраст: из молодых мне такие однолюбцы не встречались.

Видите, нет минуты, чтобы кто-то не подошел, хотя до «часов пик» еще далеко. Интерес к театру очень острый, здесь, на Пресне, перемены особенно заметны.

Вы расспрашиваете про зрителей, а «незрители» вас интересуют? Обратили внимание, сколько мальчиков и девочек спрашивают билеты на концерт Марьяновича? Понаблюдайте, если хотите. Для театра это мертвые души. Что ни предлагай им взамен — бесполезно.

Даже сейчас, в вашем присутствии, достаточно проявилось: гораздо больше народа подходит к конкретным вопросам. На каком же основании определяются та или другая цель? Я вам отвечу: все решает мода, своего рода мода.

В «Современник» на «Обыкновенную историю» вы не попадете. А если бы точно такой спектакль шел, допустим, в Театре имени Ермоловой (возможно ли это — другой вопрос, но предположить для себя мы имеем право!), я бы голову сломала, как пристроить билет. Все-таки люди гораздо больше руководствуются общим предубеждением, чем своим собственным мнением, хоть мы и говорим, что зритель вырос, стал умнее, самостоятельнее и т. п. Мне, например, очень обидно за Театр имени Гоголя. Там большие перемены, крити-

по преимуществу из подлинных театралов. Причем зрители, которые любят этот театр, отличаются большой отзывчивостью — например, гораздо активнее посещают спектакли гастролеров, неизвестных в Москве. Любовь к «своему» театру не заслоняет от них искусство вообще. Мне-то это виднее, чем кому-нибудь другому!..

Борис Гаврилович ГОЛУБОВСКИЙ,
главный режиссер Театра имени
Гоголя

— Наш ежедневный зритель — беру оптимальный вариант — 1.200 человек. И вдруг от одного из них приходит отклик, хвалебный или ругательный. Как быть? Считать его голосом всех тысяч двухсот?

Но ведь, помимо закономерных вкусовых градаций, есть еще сколько хотите индивидуальных особенностей и даже причуд. Классический пример: Лев Толстой не любил оперу. Неклассический пример: я не люблю балет. Ну и что из этого?

Одно время, сильно огорчаемый поведением некоторых зрителей нашего театра, я предался своеобразному хобби: стал следить, из каких театров, с каких спектаклей уходит публика? И установил, что есть отдельные зрители, которые уходят всюду.

В самом деле, если театр твердо знает, чего он хочет, его не должно травмировать, что несколько человек ошиблись адресом. Хуже, если театр сам не определил, куда его влечет. Тогда он становится прибежищем случайного зрителя. А это наихудшая из разновидностей публики, в ней преобладают любители поразвлечься чем бог послал, равнодушные, в общем-то к искусству, а потому нетребовательные. Из силы, стимулирующей развитие, зал превращается в тормоз, создавая иллюзию взаимной любви. Есть печальная закономерность: чем слабее коллектив, тем крепче прижимает он к груди отдельные благожелательные высказывания, доводя себя до окончательного ослепления.

Может быть, особая прелесть наших взаимоотношений со зрителем заключается в том, что точно угадать его реакцию почти никогда невозможно. Когда я ставил «Заговор императрицы», я думал в основном о молодежи, считая, что тема, эпоха пробудят в ней познавательный интерес. И ошибся. На спектакль пошли люди среднего возраста. Но ведь каждая аудитория имеет свою специфику. Если бы я учел это, спектакль, возможно, был бы другим.

Мне кажется, что то свойство художника, которое мы называем творческой интуицией, включает в себя и особое чувство публики. Видимо, оно неразрывно связано с гражданским, общественным нервом. Признаюсь, я больше доверяю этому чутью, чем самым подробным анкетам и опросам. Тем более, что далеко не всегда, отвечая на в лоб поставленные вопросы, зритель выражает свое подлинное впечатление от увиденного.

Чувствовать публику необходимо не только работникам театра, но и тем людям, в чьих руках сосредоточены средства информации о театре. Плохо у нас поставлено это дело. Есть особая категория театралов, которые всюду бьются и знают все о всем. Но в зале всегда больше людей, которые ходят в театр не так уж часто и потому с особой серьезностью относятся к выбору. А выбирать приходится практически вслепую, то ли по названию, то ли по фамилии автора, то ли по отзывам видевших спектакль. Толковой рекламы нет, а рецензии (вот оно, отсутствие чутья!) либо перелагают сюжет, либо дают профессиональный разбор постановки. Зритель же, тот серьезный массовый зритель, которого все мы мечтаем привлечь, сюжетом интересуется постольку поскольку, а профессиональными тонкостями может и вовсе пренебречь. Он идет к спектак-